

«У нашего оркестра хороший потенциал»

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

А на данный момент мы имеем парадоксальную ситуацию, потому что — никого не хочу обижать! — из-за количества вызовов струнники стали получать денег больше, чем духовики, хотя не секрет, что и нервная, и физическая отдача у духовиков, безусловно, гораздо выше и даже пенсионный возраст наступает раньше.

— В последнее время практикуется передача спектаклей от одного дирижера к другому, причем порой один спектакль попеременно ведут несколько дирижеров. Это улучшает качество спектаклей?

— Каждый спектакль настолько сложен действенно, постановочно, что, конечно, должен быть один человек, за которым спектакль закреплен. И только в случае какого-то форс-мажора возможна его замена. У каждого дирижера свои нюансы, даже свои темпы, возникшие в совместной работе с режиссером-постановщиком. А чехарда с дирижером на пользу делу не идет, вносит дополнительную панику. Вообще же, думаю, за всю музыкальную сторону работы театра должен отвечать один человек, то есть главный дирижер. Так было и при царе, и в годы советской власти, во всех театрах мира и в нашей стране.

— Вы давно занимаетесь ансамблевым музицированием. Недавно в оркестре возник новый ансамбль. Какие у него задачи? Кто его художественный руководитель?

— Художественный руководитель — я. Но денег за это не получаю. Работа эпизодическая. Может возникнуть концерт, может — запись. Но главное, что нам это нравится. Мы играем современных композиторов, русскую, итальянскую музыку. Дело это живое и интересное. Нельзя замыкаться только в рамках оркестра, это очень сужает кругозор. Когда годы и десятилетия работаешь в театральном оркестре, музыкальный кругозор сужается до «Бориса Годунова», «Хованщины», «Пиковой дамы», «Лебединого озера». Так музыканту жить нельзя. Поэтому я всю свою творческую жизнь играю в камерных составах, в ансамблях и постоянно выступаю как солист. Это помогает не закиснуть в оркестровой среде.

— А что доставляет вам большее творческое удовлетворение — преподавательская работа, ансамблевое исполнение или работа в оркестре?

— Все это очень разные вещи. Очень приятно, когда видишь отдачу от того, что даешь студентам. Кстати, мои студенты уже работают во многих оркестрах. У нас — Лена Митрофанова.

— Вы бы не хотели, чтобы ваши дети стали музыкантами?

— Нет.

— Вы считаете, что это тяжкий путь?

— Сейчас трудно всем музыкантам, которых я знаю, исключая, может быть, пять-шесть фамилий. Но и у них свои проблемы. Не те условия. Затраты ни коим образом не окупаются материальной отдачей. Поэтому посмотрите, что творится — все музыканты, во всех оркестрах, вынуждены бегать по халтурам.

— Может быть, сегодня общество не нуждается в серьезной музыке? И записи у нашего оркестра стали большой редкостью. Раньше ведь почти каждый понедельник писали...

— Не знаю, сложно сказать. Была государственная структура — фирма «Мелодия», где, в общем, и проходила вся работа, связанная с записями, и делалась эта работа очень профессионально. Сейчас

куча каких-то мелких фирм, которые что-то пишут, что-то делают и, как правило, ничего не платят. Теперь ты должен внести деньги за то, чтобы тебя записали. А что будет потом, как будет реализовываться эта продукция, непонятно и никого не волнует. Хочешь — можешь сам свои компакт-диски продавать.

— Вам не кажется, что в последнее время хорошо, что выше стал средний уровень технической оснащенности музыкантов?

— В общем, да! Как и в спорте: стали бегать быстрее, прыгать выше, так и у нас, музыкантов.

— Сочинения каких композиторов вам бы хотелось слышать и исполнять в Большом театре?

— Их много, поэтому трудно назвать что-то определенное. Но, безусловно, в Большом театре должны звучать Прокофьев и Шостакович. Обидно, что Шостаковича вообще нет, а Прокофьев представлен так бедно. Это же наша культура, наше достояние! И западноевропейская классика театру тоже нужна. У нас давно не идет Вагнер, это — пробел. Вместе с тем мы трагически теряем силы, энергию, средства, распыляем их на случайные постановки, и не всегда понятно, чем руководствуется театр, обращаясь к этим сочинениям. Некоторые из них можно было бы ограничить концертным исполнением и не для того, чтобы включить в репертуар, а исполнив один-два раза, причем не в театре, а в Большом зале консерватории. Мне представляется, что сцена Большого театра предназначена для спектаклей — оперных, балетных. Все остальное — симфонические концерты, концертное исполнение опер — должно проходить в концертных залах. И практика симфонических концертов оркестра Большого театра в Большом зале консерватории существовала — мы выступали с разными дирижерами Большого театра, эти концерты становились событием и проходили с неизменным успехом. Думаю, и сейчас можно несколько раз в сезон давать такие концерты с серьезной, продуманной программой, с участием нашего хора, солистов, предлагая слушателям сочинения, которые не может исполнить никакой другой симфонический коллектив. Но организацией этих концертов, конечно, нужно заниматься, а дело это хлопотное. Как говорится, для того, чтобы сделать надо делать. Но возможности, резервы — я имею в виду двойной состав оркестра — у нас есть...

Вот такой разговор состоялся с Александром Михайловичем Гольшиным — музыкантом, являющимся подлинным украшением нашего оркестра. Не случайно многие свои сочинения современные композиторы создавали специально для него и ему посвящали.

Не раз А. Гольшин исполнял Концерт для флейты с оркестром ныне покойного Э. Денисова. После одного из концертов Эдисон Васильевич написал на партии флейты: «Саша, Вы действительно замечательно сыграли этот странный и непривычный концерт. Спасибо за все».

А Родион Щедрин после премьеры в Зале имени Чайковского подарил музыканту партитуру своего монументального произведения «Запечатленный ангел» (для смешанного хора а capella и флейты) с такой надписью: «Необыкновенному музыканту Александру Гольшину с нежностью и благодарностью. Спасибо!»

...С 1969 года звучит в оркестре Большого театра флейта блистательного музыканта Александра Гольшева...

Материал подготовила
С. БЕНЦИАНОВА.